

ПРОБЛЕМА СЧАСТЬЯ В РОМАНЕ А. ПЛАТОНОВА «СЧАСТЛИВАЯ МОСКВА»

The central idea of the novel is the noncorrespondence of life with human aspiration for happiness and discontent with such a state of life.

The article highlights the topic of happiness in the novel by Platonov in the frame of the major issue raised by the author.

Проблема счастья является главной в романе А. Платонова «Счастливая Москва». Отношение к жизни героев «Счастливой Москвы» определено их жизненным порывом, направленным на преобразование действительности. Все герои романа слышат «зов совести», побуждающий их к деятельности. Самое главное у Платонова – это воссоединение духовного порыва и жизненного деяния. Платонов стал одним из самых глубоких истолкователей этого возвращения человека в жизнь и судьбу своего народа. Для Москвы Честновой – это «бедный, грустный крик» бежавшего с факелом человека, для хирурга Самбикина – «неясный и алчущий, совестливый вопль в душе» [1, с. 257], для инженера Сарториуса – «темный вопиющий голос» [1, с. 255], заставляющий его трудиться «с беспокойством от ответственности своей жизни» [1, с. 291].

Подобным образом определяет совесть и М. Хайдеггер, считая, что осознание человеком своей экзистенциальной значимости и ответственности за бытие является «причиной внутренней творческой мобилизации», источником активного действия [2, с. 92].

Хирург Самбикин пытается добыть из трупа «младенческую влагу», наполненную «едкой энергией жизни», которая может «живого, но поникшего человека» «сделать прямым, твердым и счастливым» [1, с. 269]. Но А. Платонов указывает на ограниченность направленности его действий. Жизнь сердца для него – лишь умственная загадка, и свою любовь к Москве он старался осмыслить рационалистически – «и забыл в своем сердце страдальческое чувство» [1, с. 286]. Писатель подчеркивает, что сужение сферы жизни и деятельности человека, несмотря на глобальность решаемых им задач, уводит от счастья.

Взаимная любовь Сарториуса и Москвы может считаться счастьем. Сарториус любит Москву как «живую истину», однако и он ощущает кон-

фликт между «всеобщей жизнью, наполненной трудом и чувством сближения между людьми» [1, с. 282] и «сосредоточенной одинокой мыслью любви» [1, с. 285]. Сарториус приходит к мысли о том, что виной человеческих страданий является «душа», которую для благоденствия человечества необходимо разрушить. Но для Платонова душа является синонимом жизни.

Не обретя счастья, Сарториус уходит в себя, отстраняется от мира и задумывается о том, что «любовь происходит от неизжитой еще всемирной бедности общества, когда некуда деться в лучшую участь» [1, с. 319]. Герой решает «исследовать весь объем текущей жизни посредством превращения себя в прочих людей». Воплощением счастья для Сарториуса становится «город Москва» – «каждую минуту растущий в будущее время, взволнованный работой, отрекающийся от себя, бредущий вперед с неизнаваемым молодым лицом» [1, с. 329]. Сарториус приходит к мысли о необходимости постоянного развития, движения, изменения. Превращение Сарториуса в Груняхина становится очередным этапом жизни героя. Осмыслив проблему счастья, Груняхин понимает, что залогом счастья является готовность к его обретению, «открытость» для счастья: «Выходило, что благодаря лишь действию одной природы маленькая работа всегда даст большие успехи и каждому достанется кусок из золотого сечения – самый громадный и сытый. Следовательно, не столько труд, но ухищрение, смелость и душа, готовят на упоение счастьем» [1, с. 327].

Одной из самых значимых с точки зрения идеи счастья в романе Платонова является судьба Москвы Честновой. «Композиция Москвы – то счастливая душа, то несчастная, то яркая, то печальная, но везде, в каждом человеке есть свой греющий очажок, иначе он, человек, не прожил бы и минуты» [3, с. 221]. Счастье постигается Москвой как гармоническое единство мира и человека, «ей все здесь подходит – к ее телу, сердцу и свободе» [1, с. 237].

Жизненный путь Москвы Честновой – это стремление к жизни во всех ее проявлениях. Покидая любимого человека, героиня испытывает радость, что перед ней вновь открывается многообразие жизни: «Она была снова счастлива, она хотела уйти в бесчисленную жизнь...» [1, с. 282], т.е. героиня видит в расставании новые возможности самоосуществления.

Желанием познать жизнь обусловлены «крайности» существования Москвы Честновой: побывав парашютисткой, она спускается в шахту метрополитена, становясь метростроевской, стремясь к осуществлению «высшей участи», старается понять существование Комягина.

Комягин – «несчастливый» герой «Счастливой Москвы». Это человек, который, по его словам, не живет, а «замешан в жизни» [1, с. 293]. Встреча с ним заставляет Москву задуматься о возможности счастливой жизни для всех людей.

«Кольцевая» композиция произведения подтверждает мнение А. Платонова о повторяемости в жизни: «И каждый день лишь для того и повторяется, чтобы люди вспомнили забытое, необходимое, а люди думают, что это лишь время идет» [4, с. 210].

Меньше чем на всеобщее счастье человечества Москва Ивановна не согласна, личными телесными удовольствиями она пренебрегает. Москва Честнова хотела чего-то большего, главного, что никак не может стать исполнимым, – быть сразу всем и всеми, участвовать во всем, отвечать за все. Но конец романа «Счастливая Москва» видится таким: разбитая искалеченная Москва с разбитой искалеченной жизнью и судьбой, не нашедшая счастья, не утолившая призвание и прозревшая. Отсюда самый главный вывод: «идея вселенского счастья не может заменить реальную жизнь». Платоновым была замечена и пережита одна из самых драматических сторон нашей жизни в те годы: расхождение между патетикой пропагандистского внушения и давлением суровой и мучительной реальности.

Одним из важных с точки зрения постижения проблемы счастья в романе Платонова является образ музыки, в котором реализуется идея высшего предназначения человека. Для главной героини восприятие музыки связано с воспоминаниями о первой осознанной ею человеческой трагедии: «Всякая музыка, если она была велика и человечна, напоминала Москве о пролетариате, о темном человеке с горящим факелом, бежавшем в ночь революции, и о ней самой. И она слушала ее как речь вождя и собственное слово, которое она всегда подразумевает, но никогда вслух не говорит» [1, с. 258]. Музыка Бетховена дает Москве возможность увидеть связь своей жизни и общей, исторической, создает представление о бытии как единой системе, где прошлое, связанное с образом погибшего человека, является необходимым условием прорыва к будущему, к осуществлению «высшей участи», музыка увлекает «силой вдохновения собственную жизнь в далекие края будущего» [1, с. 253].

Для понимания темы счастья в романе особую значимость имеют авторские размышления, которые обнаруживают себя в «Счастливой Москве» нечасто, но всегда имеют значение оценочной перспективы. Так, например, авторское присутствие выявляется в эпизоде со скрипачом, музыка которого вызывает у Москвы воспоминания о бегущем с факелом человеке, а в «изможденном уме» самого музыканта – «последнее воображение о героическом мире» [1, с. 359]. Авторское видение открывает читателю единство, казалось бы, разнонаправленных человеческих устремлений: «Против него – по ту сторону забора – строили медицинский институт для поисков долговечности и бессмертия, но старый музыкант не мог понять, что эта постройка продолжает музыку Бетховена, а Москва Честнова не

знала, что там строится» [1, с. 253]. В итоге, следуя разными дорогами, герои приходят к необходимости преодоления горя ради конкретного человека, преобразования страдания в счастье.

Авторская оценка поисков героини дается через образ «блуждающего сердца»: «Блуждающее сердце! Оно долго содрогается в человеке от предчувствия, сжатое костями и обыкновенными бедствиями жизни и, наконец, бросается вперед, теряя свое тепло на холодных дорогах» [1, с. 285]. Жизненный поиск Москвы Честновой бесконечен, и смысл ее существования состоит именно в не имеющем конца движении. И хотя роман остался незаконченным, писатель сказал о финале произведения так: «В конце должно остаться временное напряжение. Сюжетный потенциал – столь же резкий, как и в начале романа. Сюжет не должен проходить в конце, кончатся» [3, с. 215].

Авторское же понимание проблемы счастья отражено в названии романа, которое воспринимается, с одной стороны, как выражение трагической иронии писателя. С другой, смысл названия «Счастливая Москва» может быть осознан иначе. В записных книжках 1932 г. писатель указывает: «Есть такая версия. Новый мир реально существует, поскольку есть поколение искренне думающих и действующих в плане ортодоксии, в плане ожившего “плаката”, – но он локален, этот мир, он местный, как географическая страна наряду с другими странами, другими мирами. Всемирным, универсально-историческим этот новый мир не будет и быть не может [5, с. 62]. Но живые люди, составляющие этот новый, принципиально новый и серьезный мир, уже есть и надо работать среди них и для них» [5, с. 58].

Герои Платонова все время находятся в поиске счастья, это непрекращающийся процесс. По мнению А. Платонова, «счастье должно изменяться, чтобы сохраниться». Необходимо учиться «мужеству непрерывного счастья», суть которого в преобразовании мира и преодолении несчастья. Понятие «счастье» в романе А. Платонова – это «чистое чувство объединенного удвоенного счастья» [1, с. 256], «счастье теплоты человека» [1, с. 244], «счастье за все смелое человечество» [1, с. 256], «счастливая безответность» [1, с. 254]. У Платонова герои обретают счастье тогда, когда «душа человеческая страданиями уязвлена» [5, с. 210]. Именно такое «сложное» и «трудное» счастье у А. Платонова.

Литература:

1. Платонов, А. Счастливая Москва / А. Платонов. – Москва: Эксмо, 2004. – 285 с.
2. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер // Логос. – 1992. – № 3. – С. 82–97.
3. Семенова, С. Воскрешенный роман А. Платонова: опыт прочтения «Счастливой Москвы» / С. Семенова // Новый мир. – 1995. – № 9. – С. 209–226.